

Мацков Г. АП. Чехов и латышская литература // Ригас
Балсс. 1960. 26 января. № 21. С. 6.

А. П. ЧЕХОВ и ЛАТЫШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

И известный латышский писатель Персиетис говорил: «Мне больше всех нравится А. Чехов, в его произведениях изображена жизнь, та самая жизнь, в которой мы живем. В них нет ничего искусственного. Он только пропускает эту жизнь через фильтр своего духа. Его наброски так коротки, просты, но так богаты. Я бы хотел стать для латышей таким Чеховым».

И, изучая небольшое по объему творческое наследие Персиетиса, мы в самом деле обнаруживаем в нем несомненное влияние идейных и художественных воззрений великого русского реалиста. Убедая капиталистическая действительность, которую наблюдали оба писателя, представила им сходный тематический материал. Персиетиса, как и Чехова, привлекают судьбы «маленьких людей», жизнь мелких чиновников («Коля и товарищи»), быта простого труженика («Кричащие буквы»). Для создания точного психологического рисунка Персиетис часто использует в этих произведениях художественные приемы великого русского писателя.

Следовать примеру Чехова стремился не только Персиетис. Многие латышские писатели учились у него мастерству. Р. Блауману принадлежат знаменательные слова, что «мы любим тех, в ком видим осуществленным свой идеал или же часть его, и стремимся быть на них похожими». По свидетельству А. Аустрия, Блауман из новеллистов выше всех считал Чехова. И можно привести интересные сравнения. Еще Я. Янсон-Браун, говоря о рассказе Блаумана «У замерзшего родника», сравнивал его с новеллой Чехова.

Анализируя пьесу Блаумана «Индраны», мы обнаружим в ней много мотивов, родственных чеховскому «Вишневому саду». Отмирающую патриархальную жизнь сменяют новые капиталистические отношения. Этот полный драматизма конфликт является стержнем обеих пьес. Эдварт Индран, подобно чеховскому Лопахину, сметает все преграды со своего пути к богатству, к власти денег, предает забвению любые человеческие чувства. Уничтоженный «вишневый сад» и срубленные Эдвартом «сисени» перекликаются между собой, символизируя неумолимое наступление капитализма на старый патриархальный жизненный уклад, на старую мораль и старое понимание красоты.

Искусство Чехова высоко ценил автор «Детей Стабурага» Валдис. Судрабу Эджис, Я. Порук и другие.

Великий Райнис, начиная свой творческий путь, учился у Чехова искусству сатиры и юмора.

В 1914 году в газете «Латвия» Эд. Вульф поместил свою статью «Чехов и латыши», в которой отмечал, что редкий из русских писателей столь популярен среди латышей, как Чехов, что трудно назвать какое-либо из его произведений, не переведенных на латышский язык.

В годы господства националистической буржуазии творчество Чехова в Латвии было в загоде. Лишь с установлением советской власти произведения великого русского писателя снова обрели здесь широчайшую популярность.

Вся пышно расцветшая латышская советская литература высоко чтит Чехова, и многие наши писатели по-прежнему черпают мастерство в чеховском наследии.

Назовем хотя бы двух молодых латышских литераторов, мастеров маленького рассказа — Э. Вилка и М. Бирзе.

Рассказы М. Вилка заслужили одобрение наших читателей и критиков. Зоркий наблюдатель жизни, знаток человеческой психологии, он в своих рассказах показывает типичные стороны современного быта. Для него характерно умение следовать за сложными переживаниями и думами человека. И чеховские традиции психологического анализа нашли несомненное отражение в творчестве этого писателя.

М. Бирзе, подобно Чехову, врач и писатель. Передю он вплетает в свое простое и увлекательное повествование мотивы человеколюбивого чеховского юмора. Да и психологический анализ образов в работах М. Бирзе местами носит на себе следы влияния Чехова.

В годы Великой Отечественной войны А. Григулис сказал: «Чехов помогает нам воевать». Сегодня мы можем сказать, что великий русский художник слова помогает нам растить мастерство новой литературы социалистического реализма.

Г. Мацков